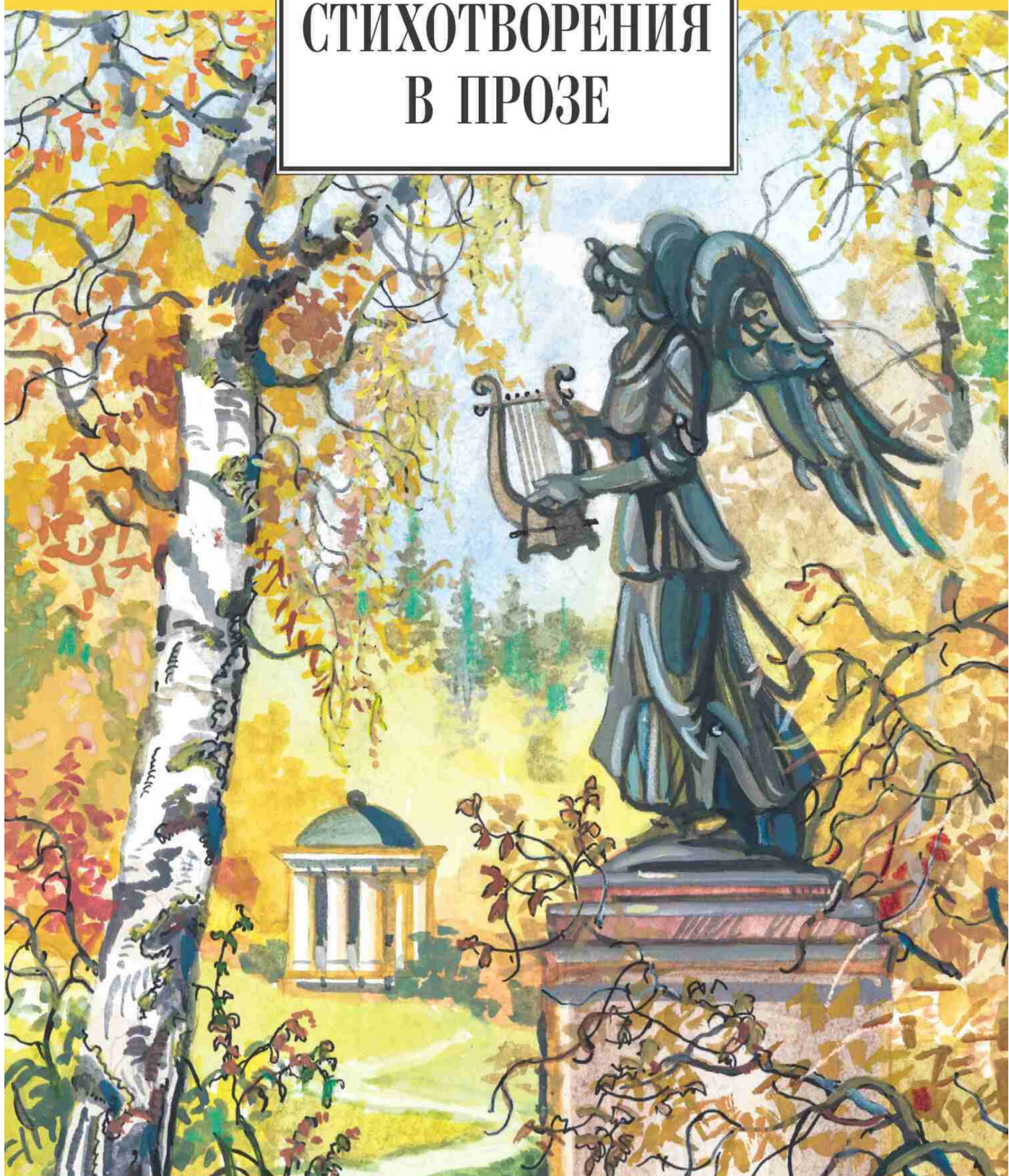

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. С. Тургенев
СТИХОТВОРЕНИЯ
В ПРОЗЕ

Школьная библиотека (Детская литература)

Иван Тургенев

Стихотворения в прозе

Издательство «Детская литература»

Тургенев И. С.

Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев — Издательство
«Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская
литература))

ISBN 978-5-08-007050-1

«Стихотворения в прозе» – это философские раздумья над основными
вопросами бытия: жизнью и смертью, дружбой и любовью, правдой и ложью.
Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-08-007050-1

© Тургенев И. С.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Заповедное слово И. С. Тургенева	8
I	14
К читателю	15
«†»	16
Деревня	16
Разговор	18
Старуха	21
Собака	22
Соперник	23
Нищий	25
«Услышишь суд глупца...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иван Тургенев

Стихотворения в прозе

Школьная библиотека

И. С. Тургенев

1818–1883

Иван Сергеевич Тургенев

Художник Д. Поляков

© Озеров Л. А., наследники, вступительная статья, 1990

© Поляков Д. В., иллюстрации, 2023

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

Заповедное слово И. С. Тургенева

«Стихотворения в прозе» Ивана Сергеевича Тургенева занимают в русской литературе особое место. Поэт, автор очерков, рассказов, повестей, романов, драм, статей создал произведение, жанр которого определить не так просто.

Он считал эти миниатюры эскизами будущих картин и вряд ли думал, что им суждено было стать началом нового способа художественной выразительности и тем самым опередить свое время. Он с печалью думал, что «река времен в своем течении унесет в лоно забвения эти легонькие листки» (из письма Д. В. Григоровичу).

Пророчество автора не сбылось. «Стихотворения в прозе» встретили самый радушный прием и надолго остались в наглей литературе. Общее мнение взыскательной и пристальной читательской аудитории России выразил П. Анненков, назвавший «Стихотворения в прозе» тканью «из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли»¹.

В «Стихотворениях в прозе» пошли друг другу навстречу и действительно встретились Тургенев-стихотворец и Тургенев-прозаик.

Первые стихи Тургенев написал в студенческие годы; в печати они появились в 1838 году в «Современнике» («Вечер» и «К Венере Медицейской»). Все стихотворения свои он написал за десятилетие между 1837-м и 1848-м годами (исключение составляют пять поздних вещей).

Успех «Хоря и Калиныча» – первого рассказа «Записок охотника» (1847) был началом конца его деятельности стихотворца. Но именно в стихах Тургенева разглядел Белинский некоторые существенные черты Тургенева-прозаика. Анализируя стихотворения «Старый помещик», «Баллада», «Федя», «Человек, каких много», Белинский писал, что они автору удалось «потому, что в них или вовсе нет лиризма, или что в них главное не лиризм, а намеки на русскую жизнь». Вся дальнейшая деятельность Тургенева показала, что уже не «намеки на русскую жизнь», а большие картины русской жизни прославят его имя. Что же касается лиризма, то в прозе Тургенева он нашел широкое воплощение. Его проза была лирической, исполненной сердечности и напевности. Лирика оставалась стихией творчества писателя.

Из стихотворений Тургенева наиболее известны «Весенний вечер» («Гуляют тучи золотые...»), «Сон» («Давненько не бывал я в стороне родной...»), «Крокет в Виндзоре» («Сидит королева в Виндзорском бору...»), «Осень» («Как грустный взгляд, люблю я осень...»), «Баллада» («Перед воеводой молча он стоит...») и особенно «В дороге» с зачином:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,

¹ Цит. по кн.: Тургенев И. С. Стихотворения в прозе. М.; Л.: Academia, 1931. С. 141.

Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Неоднократно положенное на музыку (А. Гедике, Г. Катуар, Я. Пригожий), оно вошло в хрестоматии и антологии. Более того, оно осталось в поэтической памяти народа.

Композиторы использовали в качестве текстов не только собственно стихи, но и «Стихотворения в прозе» («Нимфы» – А. Аренский, В. Калинин; «Роза» – И. Горяинова, Е. Гриве-Соболевская; «Христос» – И. Горяинова).

В представлении музыкантов и их слушателей, в представлении русской читающей публики и подтекст, и интонационный строй «Стихотворений в прозе» связывался с образцами русской лирики.

Тургеневские миниатюры ближе всего тому потоку русской классической поэзии, для которого характерен элегический строй (Батюшков, Веневитинов, Баратынский, Тютчев). Речь идет не о преобладании горестных и даже мрачных мотивов, а о высокой настроенности поэта на решение основных вопросов бытия: рождение, любовь, дружба, ненависть, время, смерть, бессмертие.

Если отвлечься от формы изложения, от прозаических периодов тургеневской книги, перед нами предстанет цепь философских миниатюр, образная ткань которых насквозь поэтична.

К примеру, Тургенев берет тему: простота. Что это такое? Категория эстетики? Рассуждение философа? Миниатюра Тургенева так и названа – «Простота» (1881):

«Простота! простота! Тебя зовут святою. Но святость – не человеческое дело.

Смирение – вот это так. Оно попирает, оно побеждает гордыню. Но не забывай: в самом чувстве победы есть уже своя гордыня».

Это говорит прежде всего лирик. Остро и проникновенно мыслящий, но – лирик. Он прежде всего чувствует. И через свое чувство идет к мысли. Это произведение мыслящего поэта, а не философа. Оно прежде всего обращено к сердцу.

Самое обращение «Простота! простота! Тебя зовут святою» эмоционально и стоит в ряду поэтических зачинов (см., например, «Любовь, любовь – гласит преданье» у Тютчева).

«Стихотворения в прозе» – творения не только поэта, но и автора рассказов, повестей, романов.

Среди «Стихотворений в прозе» есть такие, которые легко представить себе, например, в «Записках охотника». В миниатюрах рассказ предельно сжат, лишен пространных описаний природы и подробных характеристик. Он лаконичен, как эскиз или этюд из записной книжки. К примеру, в миниатюре «Ши» в концентрированном виде передано все существенное, что есть в деревенских рассказах и повестях Тургенева: его пристальное внимание к человеческому достоинству русского крестьянина, к его душевному миру. В этой миниатюре бытовая зарисовка приняла характер притчи, малого жанра старой сатирической или поучительной литературы, бытовавшей в России в XVII–XVIII и в начале XIX века.

Таковыми же выхваченными из быта можно назвать следующие миниатюры: «Нищий», «Маша», «Воробей», «Милостыня», «Дрозд» (I, II) и некоторые другие. В них, так же как в миниатюре «Ши», быт поднят на высоту поэзии. Везде сквозит пытливая, пронизательная и всегда поэтическая мысль художника. Но помимо взятых из быта миниатюр мы находим среди «Стихотворений в прозе» такие, которые были бы немислимы ни в составе «Записок охотника», ни в повестях и романах. Это притчи и легенды, гневные филиппики и лирические послания. Они по способу изложения материала ближе к стихам, чем к прозе.

«Стихотворения в прозе» находятся на пересечении всех линий творческой судьбы Тургенева-поэта и Тургенева-прозаика. Добавим: и Тургенева-драматурга, поскольку в миниатю-

рах широко показано искусство диалога, а такой этюд, как «Чернорабочий и белоручка» с подзаголовком «Разговор», является небольшой сценкой, в которой участвуют трое.

Подобно тому как «Литературные и житейские воспоминания» (1871) являются подведением итогов, «Стихотворения в прозе» венчают философско-поэтические искания писателя. Эти заповедные листки запечатлели думы великого мастера слова.

«Стихотворения в прозе» – плоды долгих художественных исканий Тургенева. Это квинт-эссенция всех его стихотворных и прозаических образов.

Незачем устанавливать, сколько процентов и долей в составе тургеневских миниатюр от стихов и сколько от прозы. Существенно другое. «Стихотворения в прозе» – это не механическое соединение двух литературных стихий, двух стилевых категорий. Это не количественное соотношение единиц стиха с единицами прозы, сведенных вместе, а новое качество, новый вид творчества. Этот новый тип естественно сочетает раскованное движение прозы с лирической дисциплиной стиха. В отличие от собственно прозы, здесь, в «Стихотворениях в прозе», наличествует система композиционных повторов, присущих поэзии.

Между стихами и прозой (до Тургенева и в его эпоху) проходила резко определенная решительная черта, суровая жанровая граница. Старая школьная теория словесности велела строго следить за чистотой вида, рода, жанра. В современной же литературе иногда очень трудно, почти невозможно определить границы между романом и эпикой, повестью и романом, рассказом и очерком, лирической записью в прозе и свободными стихами.

В наше время стихи и проза находятся в несравнимо большей связи, чем в старину. Они диффузируют, смыкаются, проникают друг в друга сильнее и энергичней, чем в тургеневскую пору.

Правда, и до Тургенева русская литература знала лирически окрашенную прозу. Первое имя, приходящее на ум, – Гоголь с его лирическими отступлениями в «Тарасе Бульбе», «Страшной мести», «Мертвых душах». Это проникновенная лирика в прозе, но она вкраплена как нечто вспомогательное в большое повествование. Вспомогательный характер носит такая лирика в прозе Карамзина и Батюшкова.

Тургенев же создал целую книгу стихотворений в прозе, выразительно обозначив их характерные черты.

Каковы эти черты?

Лиризм, воссоздающий душевный строй, настроения автора. В большинстве случаев – прямая автобиографичность, рассказ от первого лица. Повышенная выразительность голоса, передающая то радость, то грусть, то восторг, то смятение. Дневниковость, носящая исповедальный характер.

Философские раздумья над основными вопросами бытия: жизнью и смертью, дружбой и любовью, правдой и ложью. При решении их – глубоко интимный контакт с читателем, чуткость и человечность, какой бы вопрос ни решался: сугубо личный, общественный или планетарный.

Предельная краткость каждого стихотворения в прозе, каждой миниатюры. От двух-трех строк до полутора-двух страниц, не более.

Стихотворение в прозе дает возможность сгустить, сплющить, стиснуть огромные временные и пространственные величины до одной фразы (к примеру, «проходят тысячи лет: одна минута...» – в «Разговоре»).

Острейшая наблюдательность, позволяющая обыкновенную бытовую деталь превращать в символы и эмблемы. Таков, например, закоптелый горшок со щами в руках вдовы («Ши») или камень на морском побережье («Камень»).

Ритмический рисунок стихотворений в прозе каждый раз нов, разнообразен, причудлив.

Откровенная мелодичность фразы, строки, абзаца, целой вещи, выдержанной в одном музыкальном ключе. Мелодичность эта подчас доходит у Тургенева до сладкогласия, упоительного бельканто, как называют в Италии красивое, плавное пение.

«О лазурное царство! О царство лазури, света, молодости и счастья! Я видел тебя... во сне.

Нас было несколько человек на красивой, разубранной лодке. Лебединой грудью вздымался белый парус под резвыми выпелами».

Этот зачин миниатюры «Лазурное царство» звучит как запев песни. Поэтому и повтор, применяемый Тургеневым, усиливает мелодичность произведения: «О лазурное царство! О царство лазури...» Слова здесь расставлены так, что волей-неволей вы произносите их не бегло, не скороговоркой, а как бы нараспев, плавно, под аккомпанемент хора или оркестра, находящихся где-то в отдалении.

Эта музыкальная фразировка возникает не только при описании величественных явлений природы. Тургенев находит для каждой мысли, для каждого образа свое музыкально-речевое звучание. При этом звучание всегда и везде естественно связано со значением.

После описания лазурного царства, царства лазури писатель переносит нас на поле войны, на болгарскую землю: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа».

Здесь другая тональность, другой словарь, другая ритмика фразы.

Существует мнение, что «Стихотворения в прозе» – произведение поэтическое по содержанию и прозаическое по форме². Это определение по внешним признакам: содержание поэтично, а графическое расположение на листе, как в прозе: ни строф, ни заглавных букв в начале строк, ни рифм. В действительности же и по форме, если ее понимать не внешне, а по существу, «Стихотворения в прозе» вобрали в себя главные, хотя и не показательные элементы стиха.

Например, в миниатюре «Как хороши, как свежи были розы...» каждый абзац, заканчивающийся рефреном – строкой из знаменитого мятлевского стихотворения, – может быть рассмотрен как строфа.

Первая строфа: «Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение». Вторая строфа: «Теперь зима...» Третья строфа: «И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома» и т. д. Вся жизнь человека, заключенная в этой лирической миниатюре, проходит перед нами в шести музыкально меняющихся, передающих эмоциональное нарастание строфах. Это далеко не прозаическая форма, она в существе своем глубоко поэтична, хотя и имеет внешне прозаическое начертание.

Ритмико-синтаксическая упорядоченность укрепляется еще и инверсией (от лат. *inversio* – перестановка), употребляемой и в прозе, но в полном развернутом виде характерной для стихов. Слова, благодаря инверсии, диктуемой ритмом и интонацией, располагаются в предложении в ином строю, нежели это установлено грамматикой.

Как, например, в миниатюре «Голуби»: «... не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая». Или в запеве миниатюры «Лазурное царство»: «О лазурное царство! О царство лазури, света, молодости и счастья!»

Разумеется, в «Стихотворениях в прозе» инверсия несколько ослаблена (по сравнению с каноническим стихом), но не приметить ее нельзя – слишком она важна и существенна в своеобразно упорядоченной поэтике тургеньевских миниатюр.

² См., напр.: Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 287.

* * *

Самый процесс творчества рождает на разных его этапах потребность в том или ином виде поэтической речи. Пастернак, например, полагал, что Шекспир к стихам «прибегал как к средству наискорейшей записи мыслей. Это доходило до того, что во многих его стихотворных эпизодах мерещатся сделанные в стихах черновые наброски к прозе»³.

Мы знаем по рукописям Пушкина, что он некоторые стихи свои сперва записывал прозой. В горячий момент работы, дабы не делать остановки в поисках образа, слова, рифмы, дабы не расплескать чувства и воплотить первоначальный замысел на бумаге, Пушкин спешил записать для самого себя, для дальнейшей разработки беглый прозаический текст. Мы демонстрируем этот текст не как прообраз дальнейших стихотворений в прозе или верлибра. Нет, пушкинские заметки показывают, как на полпути от замысла к воплощению стих ищет выхода в сгущенной эмоциональной прозе. Она лапидарна и стремительна.

Вот письмо Татьяны из главы третьей «Евгения Онегина». За строками черновика:

Хоть каплю жалости...
Вы не покинете меня, —

в которых еще нет глагола «храня», читаем:

«Я знаю, что вы презираете (неразб.). Я долго хотела молчать – я думала, что вас увижу. Я ничего не хочу, я хочу вас видеть – у меня нет никого...»

За несколькими строками такой прозы снова следуют стихи, а потом снова запись:

«Зачем я вас увидела, но теперь поздно»⁴ и снова стихи... Мысль еще не взята в раму онегинской строфы, она движется от образа к образу, от одного эмоционального узла к другому. И в этом движении есть много общего с интонационно-синтаксическим строем «Стихотворений в прозе».

У Пушкина среди черновиков есть строки, обратившие на себя наше внимание в связи с затронутой здесь проблемой. В вариантах чернового автографа стихотворения «Пора, мой друг, пора!» есть план продолжения этого стихотворения:

«Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу – тогда удались он домой.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь – религия, смерть»⁵.

Только ли здесь уместился рабочий план новых, так и не написанных строф? Нет, здесь, так же как в беглых заметках или в письмах, Пушкин опробовал новые образы, подвергал их предварительному ритмико-синтаксическому испытанию. Ведь и сам Тургенев считал свои миниатюры чем-то вспомогательным, подготовительным, промежуточным. Ведь поначалу и ему приходило в голову эти наброски с натуры, эти этюды, потом использовать для большой картины, употребить в рассказе или повести. Вспомним, что только в конце XIX – начале XX века этюд в живописи был перенесен из мастерской художника в выставочный зал, он перестал быть подготовительной стадией, став окончательной. Эстетика незавершенности стала с

³ Сб. «Литературная Москва». М.: Гослитиздат, 1956. С. 795.

⁴ Пушкин А. С. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 6. С. 316.

⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 3 (II). С. 941.

годами, с десятилетиями возводиться в правило. Ей даже стали отдавать предпочтение перед эстетикой завершенности и окончательной отделки.

Общеизвестно стремление Тургенева продолжить пушкинскую традицию русской литературы. Об этом говорил сам писатель, об этом говорили его биографы и исследователи.

И все же Тургенев, творивший в послепушкинскую пору, явил России и миру новые черты самой традиции, пришел к подсказанной временем и своеобразием писательского дарования новизне. Эта новизна коснулась среди всего прочего отношения художника к возможностям стиха и прозы, к их взаимодействию.

Пушкин, как известно, отделял прозу от стихов. Он подчеркивал, что прозе нужны прежде всего мысли и мысли, в отличие от стихов, целиком находящихся во власти поэтичности, лиризма. Тургенев же стремился сочетать стих и прозу, повествовательность и лиризм. Наиболее полно это его стремление воплотилось в книге «Стихотворения в прозе». Не следует думать, что в этом сказались только присущие одному Тургеневу индивидуальные качества. Автор «Стихотворений в прозе» одним из первых в нашей литературе почувствовал общественную потребность в сближении повествовательного начала прозы с лирическим. Проза у Тургенева не заменяет поэзии, а существует заодно с ней, их действие синхронно.

Повествование и лиризм шли у Тургенева рука об руку. Лирическая проза... Именно Тургенева в большей степени, чем кого-либо другого, надо считать открывателем этого вида нашей отечественной прозы. Новое в искусстве (в том числе и новые виды и жанры) рождается не под ликующие звуки оркестров и приветственные крики публики. Чаще всего это происходит незаметно для окружающих, подчас и для самого автора. Так было с тургеневскими «Записками охотника», появившимися во второстепенном отделе журнала «Современник» – отделе смеси. Так случилось и со «Стихотворениями в прозе». Мелочь, для себя, безделка, «употр. в повесть», заметки для памяти на отдельных листках и на всякий случай.

«Стихотворения в прозе» начинают читать в среднем школьном возрасте, перечитывают в зрелые годы и на старости лет. Всякий раз, при новом чтении, тургеневские миниатюры, сотканые «из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли», предстают по-новому. «Стихотворения в прозе» растут вместе с нами, мы растем вместе с ними. Так Иван Сергеевич Тургенев становится нашим другом и спутником на всю жизнь.

Лев Озеров

I
Senilia

SENILIA

К читателю

Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет – и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, – и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу.

Деревня

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия – родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем – не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исцепленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба – синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага – по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогривый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых, низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, – зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли.

Передо мной стоит старуха хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котках.

Крупные дутые бусы в три ряда обвилились вокруг смуглой худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба: кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!

Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертой теленок.

– Ай да овес! – слышится голос моего кучера.

О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?

Февраль, 1878

Разговор

*Ни на Юнгфрау,
ни на Финстерааргорне
еще не бывало человеческой ноги.*

Вершины Альп... Целая цепь крутых уступов... Самая сердцевина гор.
Над горами бледно-зеленое, светлое, немое небо. Сильный, жесткий мороз; твердый, искристый снег; из-под снега торчат суровые глыбы обледенелых, обветренных скал.
Две громады, два великана вздымаются по обеим сторонам небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорн.

И говорит Юнгфрау соседу:

– Что скажешь нового? Тебе видней. Что там внизу?

Проходят несколько тысяч лет – одна минута.

И грохочет в ответ Финстерааргорн:

– Сплошные облака застилают землю... Погоди!

Проходят еще тысячелетия – одна минута.

– Ну, а теперь? – спрашивает Юнгфрау.

– Теперь вижу; там внизу все то же: пестро, мелко. Воды синеют; чернеют леса; сереют груды скученных камней. Около них все еще копошатся козявки, знаешь, те двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

– Люди?

– Да; люди.

Проходят тысячи лет – одна минута.

– Ну, а теперь? – спрашивает Юнгфрау.

– Как будто меньше видать козявок, – гремит Финстерааргорн. – Яснее стало внизу; сузились воды; поредели леса.

Прошли еще тысячи лет – одна минута.

– Что ты видишь? – говорит Юнгфрау.

– Около нас, вблизи, словно прочистилось, – отвечает Финстерааргорн, – ну, а там, вдали, по долинам есть еще пятна и шевелится что-то.

– А теперь? – спрашивает Юнгфрау спустя другие тысячи лет – одну минуту.

– Теперь хорошо, – отвечает Финстерааргорн, – опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь... Везде наш снег, ровный снег и лед. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

– Хорошо, – промолвила Юнгфрау. – Однако довольно мы с тобой поболтали, старик. Пора вздремнуть.

– Пора.

Спят громадные горы; спит зеленое светлое небо над навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878

Старуха

Я шел по широкому полю, один.

И вдруг мне почудились легкие, осторожные шаги за моей спиной... Кто-то шел по моему следу.

Я оглянулся – и увидел маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья. Лицо старушки одно виднелось из-под них: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошел к ней... Она остановилась.

– Кто ты? Чего тебе нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвечала. Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой, какая бывает у иных птиц: они защищают ею свои глаза от слишком яркого света.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зениц... из чего я заключил, что она слепая.

– Хочешь милостыни? – повторил я свой вопрос. – Зачем ты идешь за мною?

Но старушка по-прежнему не отвечала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся от нее и пошел своей дорогой.

И вот опять слышу я за собою те же легкие, мерные, словно крадущиеся шаги.

«Опять эта женщина! – подумалось мне. – Что она ко мне пристала? – Но я тут же мысленно прибавил: – Вероятно, она сблепу сбилась с дороги, идет теперь по слуху за моими шагами, чтобы вместе со мною выйти в жилое место. Да, да; это так».

Но странное беспокойство понемногу овладело моими мыслями: мне начало казаться, что старушка не идет только за мною, но что она направляет меня, что она меня толкает то направо, то налево, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако я продолжаю идти... Но вот впереди на самой моей дороге что-то чернеет и ширится... какая-то яма... «Могила! – сверкнуло у меня в голове. – Вот куда она толкает меня!»

Я круто поворачиваю назад... Старуха опять передо мною... но она видит! Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь к ее лицу, к ее глазам... Опять та же тусклая плева, тот же слепой и тупой облик...

«Ах! – думаю я... – эта старуха – моя судьба. Та судьба, от которой не уйти человеку!»

«Не уйти! не уйти! Что за сумасшествие?... Надо попытаться». И я бросаюсь в сторону, по другому направлению.

Я иду проворно... Но легкие шаги по-прежнему шелестят за мною, близко, близко... И впереди опять темнеет яма.

Я опять поворачиваю в другую сторону... И опять тот же шелест сзади и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, как заяц на угонках... все то же, то же!

«Стой! – думаю я. – Обману ж я ее! Не пойду я никуда!» – и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоит позади, в двух шагах от меня. Я ее не слышу, но я чувствую, что она тут.

И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдали, плывет, ползет само ко мне!

Боже! Я оглядываюсь назад... Старуха смотрит прямо на меня – и беззубый рот скривлен усмешкой...

– Не уйдешь!

Февраль, 1878

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воеет страшная, неистовая буря. Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю.

Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом...

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек?

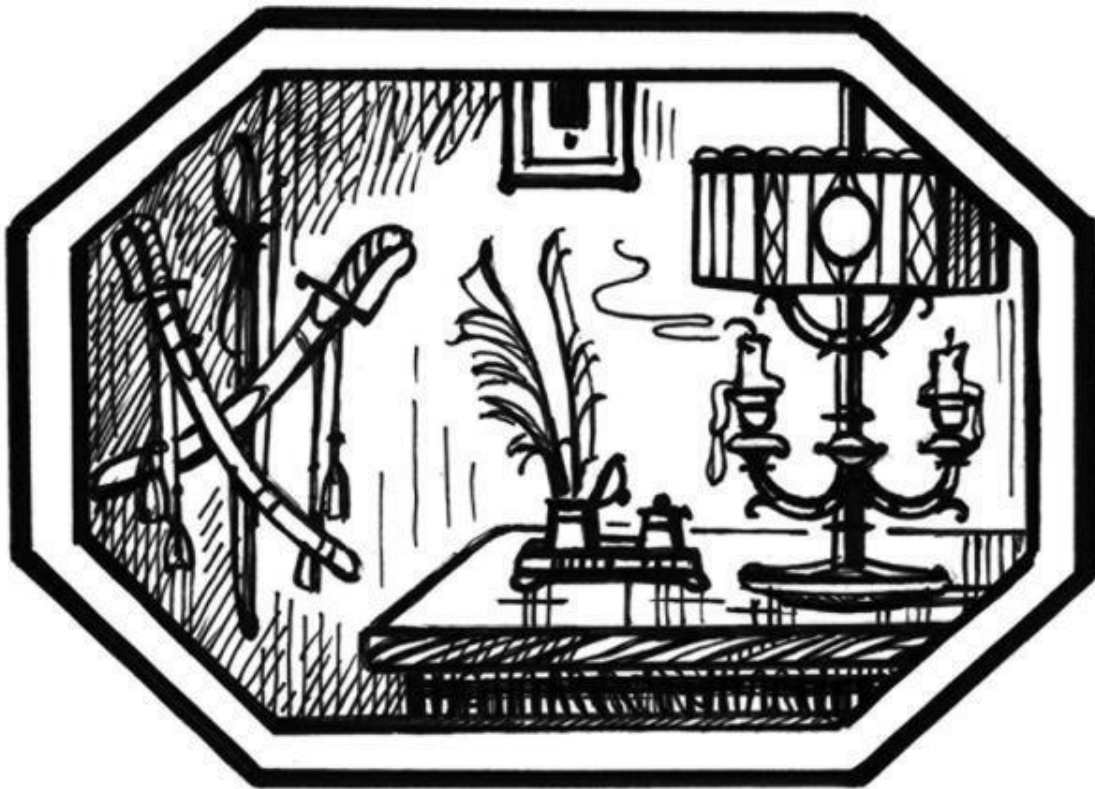
Нет! это не животное и не человек меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жметя пугливо к другой.

Февраль, 1878

Соперник

У меня был товарищ – соперник; не по занятиям, не по службе или любви; но наши воззрения ни в чем не сходились, и всякий раз, когда мы встречались, между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всем: об искусстве, о религии, о науке, о земной и загробной – особенно о загробной жизни.

Он был человек верующий и восторженный. Однажды он сказал мне:

– Ты надо всем смеешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь к тебе с того света... Увидим, засмеешься ли ты тогда?

И он, точно, умер прежде меня, в молодых годах еще будучи; но прошли года – и я позабыл об его обещании, об его угрозе.

Раз, ночью, я лежал в постели – и не мог, да и не хотел заснуть.

В комнате было ни темно, ни светло; я принялся глядеть в седой полумрак.

И вдруг мне почудилось, что между двух окон стоит мой соперник – и тихо и печально качает сверху вниз головою.

Я не испугался – даже не удивился... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, стал еще пристальнее глядеть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тот продолжал качать головою.

– Что? – промолвил я наконец. – Ты торжествуешь? или жалеешь? Что это: предостережение или упрек?... Или ты мне хочешь дать понять, что ты был неправ? что мы оба неправы? Что ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперник не издал ни единого звука – и только по-прежнему печально и покорно качал головою – сверху вниз.

Я засмеялся... он исчез.

Февраль, 1878

Нищий

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.
Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны...
О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!
Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.
Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я
ничего не взял с собою.
А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.
Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку...
– Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.
Нищий устал на меня свои воспаленные глаза;
его синие губы усмехнулись – и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.
– Что же, брат, – прошамкал он, – и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.
Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Февраль, 1878

«Услышишь суд глупца...»

Пушкин

Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал ее и на этот раз.

«Суд глупца и смех толпы»... Кто не изведал и того и другого?

Все это можно – и должно переносить; а кто в силах – пусть презирает!

Но есть удары, которые сильнее бьют по самому сердцу. Человек сделал все, что мог; работал усиленно, любовно, честно... И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени.

– Удались! Ступай вон! – кричат ему честные молодые голоса. – Ни ты нам не нужен, ни твой труд; ты оскверняешь наше жилище – ты нас не знаешь и не понимаешь... Ты наш враг!

Что тогда делать этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться – и даже не ждать более справедливой оценки.

Некогда землепашцы проклинали путешественника, принесшего им картофель, замену хлеба, ежедневную пищу бедняка. Они выбивали из протянутых к ним рук драгоценный дар, бросали его в грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются им – и даже не ведают имени своего благодетеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.